

Стихи о Сибири

Сибирь

Она была не только каторгой,
Не только лютою каргой.
Она была пунктирной картою
И неоткрытою тайгой.
Она была землей немереной,
Мечтой для тех, кто бос и наг,
И новой долей непроверенной
Для хлебопашцев и бродяг.
Она манила неизвестностью,
В снега упрятана по грудь,
И люди из обжитых местностей
В нелегкий уходили путь.
Шли в Зауралье, в Прибайкалье ли,
В кедрач врубались топором.
И вот за падами, за далями
Вставал в распадке первый дом.
А рядом – на поляне крошечной,
Что у тайги отторжена, –
Зерно в сырую землю брошено,
Земля рождает, как жена.
И перед мужиками строгими
Лес отступает навсегда:
Дома становятся острогами,
И вырастают города.
Но, поклоняясь России-матери,
Что утвердилась здесь навек,
Шли дальше первооткрыватели
Туда, где не был человек.
Потом Сибирь вставала срубам
Среди колхозного села,
Заводов трубами и клубами,
Землею пахотной была,
Текла дорогами железными,
Вдевала реки в постромки
И разговаривала песнями,
И открывала тайники.
Уже – прославлена героями –
Звалась жемчужиной страны,
Уже в ней города построены
И реки в ней покорены.
Но, поклоняясь отчизне-матери,
Как повелось из века в век,
Шагают первооткрыватели
К вершинам неоткрытых рек,
Идут неторными дорогами
К алмазным россыпям нетроганным...
Таков уж русский человек!

Бывает час особенный в природе:
почти бела небес голубизна,
и ночь нейдет, и день все медлит вроде,
и на земле царят полутона.
И все вокруг покойно, чисто, цельно,
особой нежной прелести полно.
И лес, и море не живут отдельно –
все высшим смыслом объединено.

Бывает срок, когда уже отбродит
вторая, перезрелая, весна,
и жив огонь, и старость медлит вроде,
и на душе царят полутона.
И дальний свет – неяркий, запредельный,
и детство, что ушло давным-давно,
беда и радость не живут отдельно –
все высшим смыслом объединено.

И в сердце возникает – без нажима –
особое прозрачное тепло,
и кажется, что счастье достижимо:
открылись двери – и оно вошло.

В лесу близ деревни Урик

Этим соснам – лет по двести:
тридцать метров высотой.
Кто гулял на этом месте
в дни их юности святой?
Кто с ружьем бродил по лесу,
чутко крался вдоль полян,
просто так, для интересу,
иль азартом обуян?

Может, здесь, пред новолунием
проходя сквозь жидкий мрак,
Михаил Сергеич Лунин
торопил своих собак?
Говорил: «А ну-ка, дети,
отыщите волчий след!
Волки есть на белом свете,
волки есть, а страха нет.

Есть цари в своих берлогах,
есть сановный высший свет,
есть жандармы (слишком много!), –
волки – есть, а страха – нет».
И, вернувшись сизой ранью
и в избе затеплив свет,
он писал свои воззвания:
«Волки есть, а страха нет!»

Ветры северные дули,

шли над крышей облака,
и слова его и пули
били в цель наверняка.
И с улыбкой утром росным,
бросив за спину ружье,
он шагал под эти сосны —
думать вечное, свое.

В таежной глухомани, в тишине,
я от людской решил укрыться злобы,
и пряный дух, и полусвет чащобы
преддверьем рая показались мне.

...Вот ставит сеть старательный паук —
на ней росинки ниткою жемчужин,
вот дятел по сушине стук да стук,
чтобы жука добыть себе на ужин.

А сок травы и сладок, и горчит,
и тайны лес приоткрывает взору...
А может, дятел на меня стучит
незримому лесному прокурору?

Хрустит валежник, слышатся шаги.
Кого встречать мне: Гостя или Гостью?
Кто там идет? Друзья или враги?
С чем там идут? С надеждой иль со злостью?

Напрасный труд искать покой в лесу —
нет тишины в молчанье вековечном,
ведь я с собой весь белый свет несу
в своем полупустом мешке заплечном.

Как сторожа стоят деревья в ряд,
чертополохом поросли дороги,
но на куртинах не цветы горят,
а горести, надежны и тревоги.

Вот дерево

Вот дерево. Ему немало лет.
Быть может, двести. А быть может, триста.
А крона у него еще ветвиста,
и дупел нет,
и мертвых веток нет.
В бесшумных клетках притаились вьюги,
весенних рек разбойные шаги
и солнце, запрессованное туго
в коричневого камбия круги.
Летучих молний огненные слитки,
звериные невзгоды и дела
занесены в подробнейшие свитки,

запрятанные в глубине ствола.
Вот дерево. Ни зла, ни святотатства.
В нем честно все, открыто и умно.
О, сколько в нем накоплено богатства!
И сколько жажды жить заключено!
Но коль тебе в тайге придется туго,
под волчий вой,
под всхлипывание сов,
тень и огонь оно протянет другу,
умрет, чтоб оказать тебе услугу,
светло и просто,
без красивых слов.

Глухарь

Снова сердце роняю я в снег,
все теряю тебя, все тоскую.
Дал же бог тебе силу такую,
что, как будто глухарь по весне,
слепну, глохну и все же – токую.
По зеленым палаткам тайги
страсть моя разливается гулко,
бьет по кронам призывная дробь.
Я пою.
Я не слышу. Шаги...
Так бесшумны его сапоги,
и в руках беспощадная «тулка»,
и в патронах надежная дробь...
Мушка медленно чертит хвоею,
Я не слышу его.
Я – пою.

Давайте накроемся небом

Все залито сумраком синим.
Проклюнулись звезды во мгле.
Давайте костер отодвинем
и ляжем на теплой земле.
Давайте поделимся хлебом,
покурим без всяких помех,
давайте накроется небом,
которого хватит на всех.

Да здравствуют тихие речи,
а камни за пазухой – вон.
Давайте напьемся из речки,
чей слышится рокот и звон.
Что хвастаться нам ширпотребом?
Чем травы не норковый мех?
Давайте накроемся небом,
которого хватит на всех,
Луна уже звезды считает,
неплохо старушке помочь...

Тайгу оградила щитами
короткая летняя ночь.
И кедры колдуют над нами,
и в гнездышке зреет орех...
Давайте поделимся снами,
которых хватает на всех.

Пока не попали мы в сети
недобрых людей или зим,
еще проживем мы на свете
и небо в алмазах узрим.
Зачем в подозренье нелепом
друг в друге отыскивать грех?
Давайте укроемся небом,
которого хватит на всех.

Деревья к солнцу не благоволят

Деревья к солнцу не благоволят.
Когда жара и солнца слишком много,
деревья листьям отдают приказ
от солнечного лика отвернуться...
Но осенью,
когда скупее дни,
и тучи заарканивают солнце,
и кроны рвет тысячерукий ветер,
и дождь в стволы стучится головой,
о как деревья ловят каждый лучик
и каждый самый слабый звук вниманья,
как рады наималому мгновенью,
когда взаимность солнца им дарит!..
Ты тоже ждешь, пока сойдет жара?

Дожди – обильны и пространны –
в плену тяжелом держат лето.
А нынче солнце сквозь туманы
пробилось вдруг столбами света.
И вертикальны, и наклонны,
с непостижимым интересом,
они ощупывают склоны
байкальских гор, поросшим лесом.

И теплый свет их золотится,
в нем радость, волшебство и сила,
полупрозрачная жар-птица
в чащобу перья уронила.
Огонь небесный льется густо,
летит по низу и по верху,
и в травах, что мокры до хруста,
как тут не вспыхнуть фейерверку?

Мой дом лесной, как я, немолод,

в него не вдруг вернется лето.
Ну что б тебе явиться в холод
в накидке солнечного цвета?
Ну что б тебе, между делами,
в которых жизнь твоя вершится,
купить билет, взмахнут крылами
и принести перо жар-птицы?!

За майским сиянием гроз —
зигзаг прибайкальской погоды:
в июне ударил мороз,
на зорьке, и сжег огороды.

Так в нашем бывает краю:
мороз среди жаркого лета
поранил рябинку мою,
что нежно была разодета.

Он листьев обуглил края,
он ягоды смял до рожденья,
болеет рябинка моя,
прозрачная, как наважденье.

Внезапный студеной недуг,
зимы снежно-белая фаза.
Так сердце спалила мне вдруг
одна мимолетная фраза.

Иду за стихами в тайгу,
болотом бреду меж осоки —
здесь спрятаны славные строки,
да я их найти не могу.

Березок веселая стать.
Под ними — огни горицвета.
Здесь сказку запрягло лето,
скорей бы ее отыскать!

Куда-то спешат муравьи
своею заветной тропой.
О чем говорят меж собою? —
у них ведь сюжеты свои.

Легенды бормочет вода,
и, чтобы мне с ритма не сбиться,
кукушка, прехитрая птица,
ритмично считает года.

Грибов наберу я в бору
и ягод лиловую спелость,
за стол, чтобы елось и пелось,

веселых гостей соберу.

И ночью у теплой ольхи
костер прихотливо запляшет,
и нежная женщина скажет,
что все это были стихи.

Иней

Как лес белес! Но как красив, поди же! —
и небосвод — высок и пустотел.
Давай молчать и двигаться потише,
чтоб белый пух с дерев не облетел.
Весь мир прозрачен, серебристо-тонок,
все легким куржаком обнесено,
как будто мы увидели спросонок
не белый свет, а белое окно.
Оно из горизонта вырастает.
Но приложи горячую ладонь —
растает лес, и тишина растает,
и спрятанный в кристалликах огонь
померкнет. И тогда — подобно зонту —
сферический свернется небосвод,
и этот мир морозный к горизонту,
как будто к подоконнику, стечет.
Так наши дни сквозь глубину мороза
текут, необратимы и тихи,
когда свою ладонь положит проза
на инеем рожденные стихи.

Как золотятся пышноцветы!
Какое празднество земли!
И от планеты до планеты
летят ракетами шмели.
И мир покоен и покорен,
как будто замер на бегу.
И даже скромный марьин корень
украсил пышную тайгу.
Болота голубые поры
зеленых прячут лягушат,
и осы, словно метеоры,
перед глазами мельтешат.
И листья держат на ладошках
раскрытых звездочки жары.
Горят жарки на тонких ножках,
как раскаленные миры.

Как чувствует себя громада леса,
стоящая сейчас на трассе БАМ,
когда идет горячее железо
по травам, по цветам и по грибам?

Как сердце леса этого тревожно,
когда, впервые на его веку,
грохочет взрыв над тишиной таежной
и скалы обрываются в реку?
Прости, ромашка, и прости, опенок,
подвинься, лес, и трассе лечь позволь:
когда на свет рождается ребенок, -
его приход сопровождает боль.
Природа – нас самих первопричина,
как женщина ранима и нежна,
Как девочка, невеста и жена.
Строитель БАМа, если ты – Мужчина,
будь бережен...

Кипрей

Дождем укрыта поздняя заря,
что брезжит день, в лесном тумане прея,
но, красками рассветными горя,
по крутизне – сияние кипрея.

И пасмурность не пасмурность уже,
когда земля залита теплым светом...
Бог с ним, с несостоящимся рассветом:
восходит полдень у меня в душе.

Он зреет, не хвалясь приливом сил,
не хвастая страстей слепым накалом:
так триста рек, шумящих по Руси,
сливаясь, обращаются Байкалом.

Я становлюсь пристрастней и добрей.
Все уже круг друзей и откровений,
все глуше дождь, и все несносней тени.
Но в глубине души цветет кипрей.

Лайка

Не лай-ка, лайка.
Погоди,
дай мне передохнуть немного:
еще погоня и тревога
у нас с тобою впереди.
Еще мороз нас обожжет,
и в наст
вонзится след мой тонко,
и волк,
наряженный в ягненка,
дорогу нашу стережет.
Нельзя удачу торопить.
Сядь потихоньку к изголовью.
Тайга захочет нашей кровью

свой белый праздник окропить.
Как напряжен ты и толков,
мой пес,
и мне бы поучиться
копить рывок,
не горячиться,
когда охочусь на волков.

Леса! Как ваши руки зелены!

Леса. Иду к вам,
как слепой, – на шум,
все чаще в вашей чаще причащаюсь,
и в шелковой хвоинке умечаюсь,
и птичий гомон на плечах ношу.
Леса! Как ваши руки зелены,
какая теплота в них и прохлада,
и ничего вам объяснять не надо,
и вам слова и клятвы не нужны.
Сосновые заслышу голоса,
березовые песенки услышу –
и стану очарованней и выше,
и вдруг удач начнется полоса!

Лосята

Я помню день, когда легко и свято
веселый флаг рванулся в синеву, –
к нему бежали белые Лосята,
три острова, три каменные брата,
и белый снег, как первая утрата,
летел на прошлогоднюю траву.

Доверчивые каменные звери
обрадовались первому костру,
и облаков взъерошенные перья
на резкой грани веры и неверья,
на высоте открытья и потери,
над ними шевелились на ветру.

Я помню день, когда в сиянье мая
к ним человек привел свои дела,
и, собственный поступок понимая,
в бока живые вбил стальные сваи,
ломалась взрывом тишина святая,
и каменная кровь к воде текла.

Я помню день, когда неумолимо
вода вспухала в кромках берегов,
чтобы гудеть в турбинах Усть-Илима,
чтоб вырваться мокрым белым дымом,
чтоб током напоить свой край родимый,
чтоб морем стать, разлившись меж лугов.

Уже вода по грудь. Уже по плечи.
Уже видны лишь ноздри у лосят.
Они идут на дно по-человечьи,
что оправдания наши, наши речи —
когда горят березовые свечи
и сосны по лосятам голосят!

В ядро земное упершись ногами,
они стоят, как стража, в глубине, —
дома, что проросли над берегами,
деревья с медно-рыжими рогами,
лосятами, идущими лугами
в свое бессмертье, показались мне.

Я думаю: как жертвенна природа,
как терпеливо может нам прощать.
Да, ток ангарский — это для народа,
да, город новый — это для народа.
Но нет Лосят, навек сомкнулись воды...

И трёх детей не досчиталась мать.

Люди к морю привыкают,
люди к лесу привыкают
и друг к другу привыкают,—
не жалеют ничего:
люди морем помыкают,
люди лесом помыкают
и друг другом помыкают —
для блаженства своего.

Терпит лес, и терпит море,
переносят стыд и горе,
с человечеством не споря
до мучительной черты.
Но однажды, мир наруша,
море ринется на сушу,
умирать придут на берег
полосатые киты.

Но однажды лес кудлатый
среди лета сбросит латы,
скажет:
«Люди, — вот расплата
за отсутствие любви!»
И тотчас исчезнет зона
кислорода и озона,
воздух делается мертвым —
и как хочешь — так живи.

Как мы кланялись наукам,

техпрогресса славным трюкам,
как мы радуемся внукам,
в их надежды влюблены...
Да, у нас – ума палата,
но за нас их ждет расплата –
божий мир без кислорода –
хуже атомной войны.

Но однажды бездуховность
станут чтить, как безгреховность,
к черту выбросят условность,
зарядив ее в пращу...
Днем возьмет фонарь калека,
скажет:
«Где вы, человеки?!
Я ищу живую душу,
человечество ищу!».

Из стихотворения «На таёжном кордоне»

На кордоне глухом,
там, где тропка ветвится,
убаюкана мхом,
сладко спит голубица.
Среди чахлых берез
что согнулись нелепо,
светят капельки слез,
как посланники неба.
Среди дивной жары,
целомудренно, чисто
созревают шары,
голубей аметиста.
И бескрайни леса,
нескончаемо лето,
и горят небеса
голубичного цвета.

Опять погода заметелила...

Опять погода заметелила некстати,
От ветра улица буквально чуть жива.
...Сидела женщина в малиновом халате,
на тонких спицах сочиняла кружева.
И петли складывались в тайные начала,
соединялись в неожиданную вязь,
как будто жизнь мою на ощупь намечала
слепая женщина, судьбою назовясь.
Была неточною и путаной основа,
и спицы двигались впопад и невпопад,
и петли падали, и распускались снова,
и, как восход, горел малиновый закат.

Паводок на Лене-реке

Уже в тайге зеленые дымы,
и зверь лесной от зноя ищет тени,
а лед последний стиснул горло Лене
смертельной хваткой умершей зимы.
Река набухла, странно посинев,
все резче, напряженней с каждым часом
она пошла по золотым аласам
и на наслегих выместила гнев:
Уже шумят притоки-крепыши:
«Вперед! Вперед! Проучим супостата!»,
а лед лежит светло, невиновато –
он холоден, в нем нет живой души.
Осколок стужи средь живых картин,
лед – будто скатерть белая на тризне.
О сколько их стоит на реках жизни
построенных бездушием плотин!
Любовь, снеси заторы и снега,
жестока будь и будь благословенна...
И жизнь моя опять течет, как Лена,
и сокрушенно ищет берега.

Погода, как моя судьба:
дожди, и печи не затоплены,
и смяты тучные хлеба,
и рощи тучами затоплены.
А над разливами – венцы,
как памятники над могилами,
и облака, как те птенцы,
что от рождения – бескрылые.
Туманы плавают во мгле,
весь мир набит до края тучами,
и хлещут ливни по земле,
что пыткой водною измучена.
А ей – цвести, рожать хлеба,
а дождь? – Да пусть себе похлопает.
Погода, как моя судьба –
не для гуляк и не для хлюпиков.

Природа предлагает людям код,
соединяя времена открыто,
и папоротник нам передает
настойчивый привет палеолита.
И возле дома заросли хвоща
под ветерком, что кажется им бурей,
качаются, тревожно трепеща,
как юрские леса в миниатюре.
И ворон, пролетая сквозь века,
подобно черной сумеречной тени,
пьет воду то с дружиной Ермака,
то с вахтой нефтехимиков Тюмени.

Снегири

Юрию Дмитриеву

Уже снега надежны и не тают,
пришел их час, тут что ни говори.
Но птицы прилетают, прилетают,
на стужу прилетают снегири.
И солнца нет, и все метели веют,
в беленый холст плетут поземку-нить,
а птицы среди леса розовеют,
стремясь зарю на небе заменить.
Не только в январе бывает стужа –
и в августе приходят январь,
но, теплый свет внезапно обнаружя,
летят слова, как будто снегири.
И сердце неожиданно согрето,
и ветер затихает во дворе,
и среди стужи наступает лето –
приходит лето даже в январе.

Тайга

Тайга научит кланяться
Невежу и разиню.

Машина шла дорогою,
Похожей на каракули.
Деревья-забияки,
Березы и осины
Хлестали нас по спинам,
Носы и лбы царапали.
тайга научит слушаться
Невежу и разиню.
Чего, мол, зря шатаетесь,
От скуки рты разиня.
Заслон зеленый, верный
На край дороги выставив,
тайга велела кланяться –
И мы сгибались истово.
Так от нахальных веток
Оберегая зрение,
Мы молчаливо кланялись
и сняли подозрение.
Тогда тайга поверила –
Зашевелила кронами
И тайны нам поверила,
И стала благосклонною.
Вот пики в землю воткнуты
И, на ветру качаясь,
Становятся дремотными
Цветами иван-чая.
И чтобы к нам подладиться,

Смирить с тайги замашками,
Встаю поляны в платицах,
Расцвеченных ромашками.
Хозяйка их – притворщица –
Мелькнет зеленой блузкою –
И не тайга, а рощица
Лопочет древнерусская.
С березовою прелестью,
Что в сердце нежность вызвала,
С грибною теплой прелестью,
Что памятна нам сызмала.
И вдруг – не роща: кронами
Стоит, небес касается
Под солнечной короною
Сибирская красавица.
Овеянная ветрами,
Отражена озерами,
Украшенная кедрами
И хвойными узорами.
Не поведет и веткою,
Заворожит – не стронешься...
Красу увидишь редкою –
Такой и сам поклонись.

Тофаларские мотивы

1. Река Уда

Я в воды Уды вошел сгоряча.
И мне показалось: вода горяча,
она, ледяная, меня обожгла,
как редкие ласки твои.

Я в горы вошел через строй кедроча.
Ручей подошел ко мне, нежно журча,
и следом пошел он, рекой становясь,
как будто любовь твоя.

В Саянах, где ветер упрям и упруг,
пройдя перевал, я почувствовал вдруг,
холодность твоя и есть тот огонь,
который сжигает меня.

2. «Кукушкины слезы»

В Саянах, в зеленых Саянах,
в тайге, что по плечи в туманах,
кукушка сидит на березе,
роняет кукушкины слезы.
Идут над Саянами грозы –
синеют «кукушкины слезы»,
закат ли прозрачен и розов –

как звезды «кукушкины слезы»
горят в разнотравье на скалах.
Кукушка детей растеряла.
В чужом они выросли доме,
и нет у них матери, кроме
тайги, что по плечи в туманах
стоит молчаливо в Саянах.

Уже не облака, еще не тучи.
В разрывах небо оттого синей,
а там, где солнце льет огонь летучий, –
метаморфозы света и теней.

Еще гроза не накопила силу,
еще ветрам доступно в краткий срок
ударить с флангов или грянуть с тылу,
освободить и запад и восток.

Но из мешка, где дремлет рать боря,
никто спасать не рвется синеву,
лишь ветерок, что всех других добрее,
что шевелит ленивую листву.

Холодный ветер треплет рощу
и, стоя на ногах прямых,
деревья жалуются, ропщут
на языке глухонемых.

Они ветвями машут грозно:
«Остановись, в конце концов!»
И не выдерживают гнезда
неоперившихся птенцов.

И, где взъерошенные кочки
весенней свежести полны,
лежат невинные комочки,
как жертвы мировой войны.